

А. О. Бурцева

<https://orcid.org/0000-0002-9168-6743>
✉ alla.burtseva@gmail.com

*Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН (Россия, Москва)*

«СХЕМА ЗАРОЖДЕНИЯ НОВОГО»: ТУРКМЕНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГРУППЫ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ТУРКМЕНОВЕДЕНИЕ» (1927–1932)

Аннотация. Статья написана на материале литературных публикаций в журнале «Туркменоведение» (с 1932 г. — «За социалистическую Туркмению») и приложения к нему, а также архивных источников. Журнал выходил с 1927 по 1932 г. на русском языке и имел преимущественно академическо-краеведческую направленность, однако на его страницах регулярно появлялась литература Туркменистана и программные статьи о ней. По материалам журнала восстанавливаются детали литературной конкуренции и формирования туркменистанских литературных групп. Одной из задач литераторов было изобретение новой пролетарской туркменской литературы, однако понимание того, какой она должна быть, варьировалось. В статье поясняются аспекты, связанные с тем, как редакция журнала описывала туркменскую литературу и что получалось на практике. Модернизация литературного процесса, с одной стороны, порождала его структуризацию, с другой — конфликтные точки. Сами тексты, несмотря на общую установку на модернизацию, сохраняли «восточный» характер презентации туркменской поэзии для читателя. Представление о том, что происходит в туркменских литературных кругах, в центре было фрагментированным, и, хотя модели имели черты, сходные с теми, которые использовались идеологами новой пролетарской литературы в Москве и Ленинграде, к ним добавлялись локальные особенности, которые делали механизмы литературного процесса и литературной борьбы в Туркменистане специфичными.

Ключевые слова: советская литература, туркменская литература, пролетарская литература, литературная периодика, литературные организации, советская модернизация

Благодарности. Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00196, «От ранних писательских объединений к Оргкомитету Союза советских писателей: Генезис институциональных форм в культурном строительстве РСФСР/СССР (Цифровой архив документальных данных и исследований)», <https://rscf.ru/project/25-18-00196/>.

Для цитирования: Бурцева А. О. «Схема зарождения нового»: туркменские литературные группы на страницах журнала «Туркменоведение» (1927–1932) // Шаги/Steps. Т. 12. № 2. 2026. С. 151–171. EDN: IXQBVV.

Поступило 1 ноября 2025 г.; принято 6 апреля 2026 г.

A. O. Burtseva

<https://orcid.org/0000-0002-9168-6743>

✉ alla.burtseva@gmail.com

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

“A SCHEME OF WHICH THE NEW IS BORN”: TURKMEN LITERARY GROUPS IN THE JOURNAL *TURKMENOVEDENIE* (1927–1932)

Abstract. The article examines the corpus of literary publications from the journal *Turkmenovedenie* (*Turkmen Studies*; since 1932 — *For Socialist Turkmenistan*) and its literary supplement, as well as relevant archival sources. The journal was published in Russian from 1927 to 1932 and was mainly focused on academic and regional studies (*kraevedenie*), but it regularly featured literature from Turkmenistan and programmatic articles about it. The journal’s publications, as well as archival sources, allow us to reconstruct the details of literary struggle and the formation of Turkmenistan literary groups. One of the tasks for writers was to create a new proletarian Turkmen literature, but they varied in their understanding of what it should be like. The article explains aspects related to how the journal’s authors and editors described Turkmen literature and what happened in practice. The modernization of the literary process, on the one hand, led to its structuring, and on the other, to conflicts. The texts themselves sometimes retained an “Eastern” quality in presenting Turkmen poetry, but also tended towards “European” modernization in translation. The center had a very fragmented perception of what was happening in Turkmen literary circles, and although the models had features similar to the creation of new proletarian literature in Moscow and Leningrad, local features were added to them. These features distinguished the mechanics of the Turkmen literary process and literary struggle from the central models.

Keywords: Soviet literature, Turkmen literature, proletarian literature, literary periodicals, literary organizations, Soviet modernization

Acknowledgements. The research was carried out at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with support of a grant from the Russian Science Foundation (RNF, project no. 25-18-00196, “From the early Writers’ Associations to the Organizing Committee of the Union of the Soviet Writers: the genesis of Institutional Forms in the Cultural Construction of the RSFSR/USSR (Digital Archive of Documentary Data and Research)”, <https://rscf.ru/project/25-18-00196/>).

To cite this article: Burtseva, A. O. (2026). “A scheme of which the new is born”: Turkmen literary groups in the journal *Turkmenovedenie* (1927–1932). *Shagi / Steps*, 12(2), 151–171. EDN: IXQBVV. (In Russian).

Received November 1, 2025; accepted April 6, 2026

Введение

Раннесоветская литературная политика предполагала становление новой пролетарской, а затем соцреалистической литературы в республиках, получивших название национальных. Подчас это осмыслялось как изобретение новой литературной традиции. Особенно остро это ощущалось в республиках советской Центральной Азии, где идеологи новой литературы столкнулись с малознакомой им традицией, местными проектами и амбициями интеллектуалов.

В этой статье речь пойдет о Туркменистане. Кажутся важными локальные полузабытые истории, которые позволяют разглядеть, каким образом в целом разнородные элементы вливались в то, что мы сейчас называем советским проектом национальных литератур, и какую роль здесь играли местные литературные акторы. Исследовательский диалог о советских литературных проектах в республиках сейчас обычно происходит на достаточно широком [Скаков 2020] или «центральном» материале [Dobrenko 2022]. Н. Скаков в статье «Культура Полтора» предлагает оригинальную концепцию: литература советской периферии (автор настаивает на употреблении именно этого слова) стала прибежищем для экспериментов, которые в литературе центра становились все более недопустимыми¹. В то же время Е. А. Добренко, оставаясь в рамках тотализующей парадигмы, пишет о формировании системы контроля над литературами советских республик. Как представляется, эти точки зрения дополняют друг друга, однако упущенным оказывается локальный и подчас субъективный контекст, который в той или иной степени может скорректировать вопросы, стоящие перед исследователями «больших» нарративов.

В этом плане напрашивается применение постколониальной рамки, но важно помнить, что для советского пространства она разработана далеко не в той мере, как для европейского колониального дискурса. Статья отталкивается от представления о том, что советская политика вообще и литературная советская политика в частности, хотя и имела черты колониальной, носила отчетливо модернизационный характер [Абашин 2015]. Идеологи советской литературы были заинтересованы в том, чтобы «изобрести» литературную традицию европейского типа. Однако в этот проект вносили свои коррективы местные факторы, и в том числе представления разных интеллектуальных элит.

Именно вопрос о локальных нарративах и будет основным для этой статьи. Можно предположить, что чем дальше находясь от Москвы, тем больше пространства для маневра получали те люди, которые становились идеологами новой литературы на местах. Разумеется, нельзя отрицать достаточно очевидные контролирующие практики центра (в этом смысле наиболее обоснованной кажется теоретическая рамка, предложенная Ф. Хирш, которая трактует «коренизацию» и «русификацию» как

¹ Открытым, впрочем, остается вопрос о явном присутствии литературного эксперимента, например, в романе Л. М. Леонова «Дорога на Океан» (1935).

этапы одного процесса [Хирш 2022: 25–26]²). Вместе с тем обращение к локальным и, казалось бы, интересным достаточно узкому кругу исследователей нарративам заставляет поставить ряд вопросов. Каков был характер передачи формирующейся советской литературной идеологии? Как происходила литературная борьба, практически не отраженная в хорошо знакомых нам источниках вроде «Литературной газеты»? Какие факторы повлияли на то, кто оказался победителем в этой борьбе? И, наконец, как сами строители литературных нарративов на местах, находясь в ситуации напряжения между центром и периферией, воспринимали или по крайней мере репрезентировали себя? Наша статья будет в большей степени сосредоточена на последнем вопросе. Вслед за Ф. Хирш [2022: 35] мы будем уделять внимание конкретным категориям и литературным дискурсам, которые в целом лежат в основе описываемых практик, но также и самой истории журнала «Туркменоведение», которая дает возможность выявить конкретные стратегии конкретных людей. Вместе с тем эта статья, сосредоточенная на репрезентации литературы Туркменистана в журнале «Туркменоведение», учитывает и внешние факторы. Поэтому используется также, однако в меньшей степени, материал, доступный в московских архивах, в частности в фондах Всероссийской (Всесоюзной) ассоциации пролетарских писателей (ОР ИМЛИ РАН. Ф. 155), Всесоюзного общества пролетарских писателей «Кузница» (РГАЛИ. Ф. 1638) и Союза советских писателей (ССП)³ (ОР ИМЛИ РАН. Ф. 41).

Журнал «Туркменоведение» и советский литературный ландшафт

В Туркменистане после национально-территориального размежевания советское нацистроительство столкнулось со сложно классифицируемой тюркской литературной традицией и с национальными проектами местных интеллектуалов. В Центральной Азии с самого начала было два разных проекта — большевистский, подразумевающий радикальную перестройку на пути к коммунистическому идеалу через преодоление «отсталости», и джадидский. Джадиды увидели в революционных преобразованиях возможность перемен и борьбы с консерватизмом. Данные проекты пересекались в вопросах культурной политики, и важное значение здесь имел подъем издательской деятельности [Халид 2024: 189; Edgar 2004: 8, 43]. В формировании представлений о том, что такое туркменская традиция, особую роль играли советские востоковеды, которые воспри-

² На приведенных страницах Ф. Хирш эти понятия не употребляет, однако отчетливо выражает свое несогласие с Т. Мартином [2011], который видит в свертывании коренизации радикальный поворот.

³ В фонде хранятся в том числе документы Оргкомитета ССП, т. е. те, в которых отразилась подготовка к официальному оформлению Союза и Первому съезду советских писателей. Именно к ним мы и обращаемся.

нимали взгляд на нее в том числе от старшего поколения интеллектуалов [Ихсанов 2023]⁴.

Так или иначе, в Туркменистане мы сталкиваемся с тем, что литературная ситуация как частный продукт советского нациестроительства была подвергнута тому, что Галина Бабак и Александр Дмитриев [2021] назвали «форсированной модернизацией» (хотя и в ином, европейском контексте). Тенденции, проявившиеся в этой ситуации, однако, не могут быть механически сопоставлены с тем, что происходило в центре молодого советского государства. Там также шло строительство новой пролетарской, а затем соцреалистической литературы, но и специфика практик этого строительства, и формы контроля над ним были иными. Удаленность от Москвы способствовала формированию своих локальных историй, конфликтов, способов работы с текстами. В этой статье будет рассмотрен частный случай — литература и литературные дискуссии на страницах журнала «Туркменоведение»⁵.

Прежде всего следует очертить характер литературной ситуации в рассматриваемый период, т. е. незадолго до постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г., после которого фактически перестали существовать структуры ассоциаций пролетарских писателей, а формула «национальная по форме, пролетарская по содержанию» окончательно сменилась на «национальная по форме, социалистическая по содержанию»⁶.

⁴ Здесь следует подчеркнуть, что А. Р. Ихсанов предлагает взглянуть на эту ситуацию вовсе не в эссенциалистском ключе. По его мнению, следует обратиться к «практикам создания знания» «определенной группы людей, получивших богословское образование до завоевания Закаспия Российской империей, позднее ставших частью системы колониальной администрации» [Ихсанов 2023: 59]. В этой статье, однако, речь идет о более позднем периоде, а значит, ее исследовательское ограничение напрямую связано с тем, что рассматривается достаточно малое число субъектов, которые можно условно отнести к элитам. Это обусловлено, в частности, ограниченностью доступа к источникам.

⁵ Нам удалось найти только одну туркменскую диссертацию, посвященную этой теме, см. ее автореферат: [Дивангульев 1995]. См. также об истории журнала: [Муратов 2002].

⁶ Это произошло не одновременно, однако смена определения показательна. И. А. Калинин считает, что эта формула может быть инвертирована: «социалистическая по форме, национальная по содержанию» [Kalinin 2022: 392], и в этом с ним можно согласиться. Во всяком случае, когда речь идет о Туркменистане, мы сталкиваемся в первую очередь с модернизацией формы в широком смысле; содержание же должно репрезентировать республику в масштабе большой советской страны. Неразрешенный вопрос, впрочем, состоит в том, что мы часто не можем адекватно оценить авторский замысел, особенности искажения в переводе — вновь из-за ограниченности источников. Перевод с языков республик советской Центральной Азии на русский делался по подстрочникам, и в ряде случаев нам может быть просто недоступен оригинал. Также сложно бывает прояснить характер редакторской правки. Важно помнить, что именно в русскоязычных изданиях литература Туркменистана могла быть представлена «всесоюзному читателю» за пределами Центральной Азии. Поэтому одной из главных проблем остается вопрос, что именно репрезентируется в условиях жесткого противопоставления прошлого и настоящего.

Литература Туркменистана этого периода подавалась самими же ее идеологами как молодая, новая, стоящая, по сути, на песке. Вместе с тем уже внутри этой новой молодой литературы формировались противоборствующие акторы, которые репрезентировали себя, а самое главное друг друга, используя различные стратегии.

Журнал «Туркменоведение» начал выходить с 1927 г., т. е. за пять лет до упомянутого выше постановления Политбюро. К нему имели отношение люди, которых можно сгруппировать по очень разным критериям, и все эти группы будут пересекаться. С одной стороны, это местные востоковеды, в том числе сотрудники Института туркменской культуры (Туркменкульта). Институт функционировал с 1928 г., в нем существовал отдел литературы и искусств, в котором, в свою очередь, выделялась «секция художественно-литературная». С другой — это собственно поэты, переводчики, журналисты. Люди, печатавшиеся на страницах журнала, иногда были одновременно учеными, получившими образование, в частности в Ленинграде, и происходившими из джадидских кругов, и литераторами; к числу последних относится Абдулхеким Кульмухаммедов (ум. 1931). Он занимался исследованием рукописей и, в частности, считал правомерным отсчитывать историю туркменской литературы с XIV в., традиционно выделяя Махтумкули (XVIII в.) как «главного поэта»⁷. Именно Кульмухаммедов готовил к публикации новый перевод чагатайского памятника «Родословная туркмен», вышедший на русском еще в конце XIX в., и трактовал предполагаемый туркменский литературный канон как постепенно вычленившийся из общетюркского⁸. В начале 1929 г. его стихи даже удостоивались похвал на страницах газеты «Туркменская искра» как удачное сочетание «национального» и «социалистического». Однако вскоре на страницах той же газеты его стали обвинять в буржуазном национализме, а посмертно он и вовсе был осужден за участие в организации «Туркмен Азатлыгы» («Туркменская независимость», или «Свобода туркмен») [Edgar 2004: 124].

Важно понимать, что журнал «Туркменоведение» не был единственным изданием, предлагавшим своему читателю туркменскую советскую литературу, но именно он репрезентировал ее на русском языке (вместе с газетой «Туркменская искра»). Тем не менее набор редакционных материалов в разных изданиях мог пересекаться, и одни и те же стихи могли появляться в туркменоязычном журнале в оригинале, а в русскоязычном — в переводе. Эти публикации, таким образом, были обращены к обеим языковым группам читателей. Во всяком случае, нельзя сказать, что русскоязычные издания были «фасадными», т. е. предназначенными исключи-

⁷ По крайней мере именно так она описана в его книге «Материалы по среднеазиатским литературным памятникам» [Куль-Мухамедов 1931].

⁸ Благодарю А. Р. Ихсанова за указания относительно его биографии. А. Л. Эдгар упоминает сам факт обвинений и гибель при невыясненных обстоятельствах, однако о существовании в реальности подобной организации или ее политической платформе судить очень сложно. Дело, по-видимому, было сфабриковано, в результате чего пострадало Туркменское научно-литературное общество. См. об этом: [Муратов 2002: 175].

тельно для Москвы. Этот тезис достаточно очевиден просто в силу того, что логистически до Москвы эти публикации не доходили. Например, уже в 1933 г. Комиссия Оргкомитета ССП по изучению туркменской литературы обращается к Ходжанепесу Чарыеву (литературному критику и на тот момент председателю Оргкомитета ССП Туркменистана) с письмом следующего содержания⁹:

Дорогой товарищ!

<...>

...Комиссия по туркменской литературе Оргкомитета ССПСССР [sic!] готовит к Всесоюзному съезду писателей сборник образцов туркменской литературы.

<...>

...срочно просим Вас выслать в адрес туркменской комиссии (Москва, ул. Воровского, 50 — Оргкомитет ССП СССР) следующее:

1. Все изданные отдельными книгами произведения туркменских писателей на русском языке.

2. Копии всех произведений туркменских писателей на русском языке (переводы), находящихся в печати (Туркменгиз, Туркменкульт и т. д.).

3. Все журналы и сборники (на русск. языке), куда вошли те или иные переводы.

В частности — просим выслать все номера журнала б[ывшее] «Туркменоведение» и «За социалистическую Туркмению», а также все издания Туркменкульта, так или иначе отражающие туркм. литературу.

<...>

Комиссия надеется, что все просимое будет подобрано и выслано в самом срочном порядке.

С тов. приветом

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ [Переписка 1933–1934. Л. 32–33].

Таким образом, видно, что к 1933 г. Москва все еще плохо себе представляла, что происходит в отдаленных республиках. Это возвращает нас к вопросу, на кого были ориентированы тексты, с которыми мы будем работать дальше. По всей видимости, те, кто был заинтересован в стабильности своей позиции, должны были оглядываться на Москву. Однако

⁹ Машинопись на кальке. Документ не датирован, однако примерные даты восстанавливаются по соседним письмам и телеграммам (20 октября 1933 г. Оргкомитет направляет в Туркменистан телеграмму: «Ускорьте представление материала [о] состоянии всей литературной организации» [Переписка 1933–1934. Л. 41]). Мы приводим выдержки из документа, так как текст достаточно велик по объему (два листа машинописи формата А4). Подпись не видна, но следующие листы (также письма в Туркменистан) подписаны Всеволодом Ивановым, на тот момент председателем комиссии, вероятно номинальным: исполнительные обязанности в 1934 г. уже взял на себя Григорий Санников. Здесь и далее пунктуация архивных источников приведена к современной.

значительно большую роль играла местная расстановка сил. Именно эти силы в конце концов отвечали за модернизацию литературы и тех процессов, которые в ней происходили. Даже их «ученическое» положение относительно литераторов из Москвы, которых комиссия направляла в Туркменистан, станет отчасти номинальным, сводящимся к восприятию и переработке европейских моделей (в частности, прозаического письма). Логично, что оргкомитет запрашивает произведения, вышедшие в переводе: едва ли во время подготовки к Первому всесоюзному съезду советских писателей хватало времени, сил и заинтересованности вникать в туркменские оригиналы. По всей видимости, оргкомитет упомянул то издание, которое было ему знакомо, но не далее названия. Как мы увидим, требование оргкомитета выслать «Туркменоведение» в 1933 г. могло вызвать недоумение со стороны туркменской писательской организации. Возможно, этим и обусловлено содержание телеграммы от 20 октября, цитированной выше в сноске 9.

История с продолжением: литературные практики на страницах журнала, Всетуркменское литературное объединение и прочие

Перед журналом «Туркменоведение» стояла задача рассказать читателю о Туркменистане, как он есть и каким он был. Поначалу журнал носил подзаголовок «Ежемесячный журнал Историко-краеведческого комитета при Туркменщике» (в 1927 г.), затем «Ежемесячный историко-краеведческий журнал» (в 1928 г.), «Ежемесячный научно-исследовательский и историко-краеведческий журнал» (в 1929 г.) и, наконец, «Журнал политики, культуры, научно-исследовательского дела и краеведения» (в 1930 г.). Непосредственное к нему отношение имело Всетуркменское литературное объединение (ВТЛО), а в течение 1929 г. журнал издавал сборник ВТЛО в качестве литературного приложения.

Литература упоминается уже в первом номере журнала, где в заметке «Схема зарождения нового» в подразделе «Радости культуры» говорится: «Лучше всего с литературой» [Карпыч 1927: 38]. Впрочем, кроме этого высказывания, а также кроме упоминания газеты «Туркменистан» и журнала «Токмак», который «явится зародышем литературного журнала» [Там же], в заметке никаких подробностей не сообщается. Тем не менее именно в ней говорится, что сформировалось туркменское литературное общество [Там же], однако не приводится никаких имен, и показательно, что в обширном составе редакции указано всего два работника (впрочем, лица, которые затем появятся на страницах журнала как поэты, обозначены как журналисты). Здесь же в разделе «Библиография» указан сборник «туркменских стихов» «Воспламеняющиеся надежды», а открывается номер отрывком из поэмы Николая Абакумова «Просто о Туркмении» (с. 2; помимо того, что он также печатал отрывок из этой поэмы в сборнике 1928 г. «Туркменистан в стихах», пока о нем ничего выяснить не удалось). В 1928 г. на страницах журнала более-менее регулярно начинают появляться стихи, причем сначала за авторством поэта с вовсе не

туркменским именем Павел Комаров. К 1929 г., очевидно, такая ситуация перестает устраивать всех. Журнал должен продемонстрировать, что туркменская литература стремительно развивается, отразив это в переводах. В «Туркменоведении» вводятся литературный отдел, литконсультация, чуть позднее — литературное приложение (литературно-художественный сборник ВТЛО). По материалам архива группы «Кузница» становится ясно, что не позднее середины 1929 г. ВТЛО пишет во Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей (ВОАПП) с просьбой считать себя туркменской ассоциацией, причем высказывает недоумение:

Всетуркменское литературное объединение (ВТЛО) узнало из страниц Литературной энциклопедии о своем вхождении в ВОАПП. Этот исторический акт, к сожалению, не был отражен в юридических документах ни ВОАПП, ни ВТЛО, так как последнее организовалось в мае текущего года, а литер[атурная] энциклопедия сдана была в набор в прошлом году [Переписка 1929. Л. 15].

В фактологическом плане причины этой путаницы были следующими. 8 мая 1928 г. на заседании коммунистической фракции Первого всесоюзного съезда пролетарских писателей во время обсуждения устава ВОАПП встал вопрос, что делать с организацией литературной жизни в республиках Центральной Азии, а именно в Туркменистане и Узбекистане. К тому времени уже использовалась аббревиатура СААПП (Среднеазиатская ассоциация пролетарских писателей), в Ташкенте издавался одноименный журнал. Однако теперь каждой республике полагалась своя организация. Секретарь ВОАПП Владимир Сутырин, выступавший на съезде с докладом «Пролетарская литература и национальный вопрос», в ходе обсуждения устава настоял на том, чтобы в него были внесены отдельно туркменская и узбекская ассоциации, причем не по национальному, а по территориальному принципу [Заседание 1928. Л. 14–15]. Именно это, по-видимому, и привело к тому, что в т. 2 «Литературной энциклопедии» написано, будто бы в ВОАПП наряду с другими вошла ассоциация Туркменистана [ЛЭ 1929. Стлб. 270]. В первом номере «Туркменоведения» за 1929 г. появляется заметка «Собрание литературных сил Туркменистана» с призывом «приступить к созданию Всетуркменской ассоциации пролетарских поэтов и писателей» [К. Т. 1929: 134], но на протяжении 1929 г. организация все еще существует под названием ВТЛО. Неясно только, почему в письме в Москву речь идет о «мае текущего года». Возможно, имеется в виду, что устав общества был принят только в мае. Отметим здесь же, что литературный критик и в целом активный деятель Российской ассоциации пролетарских писателей Алексей Селивановский на заседании секретариата ВОАПП 29 января 1931 г. говорил, что «если в Узбекистане организация более-менее оформлена, то в Туркменистане положение на сегодняшний день совершенно неясное» [Заседание 1931. Л. 15].

Здесь видно, как меняется расстановка сил по мере приближения постановления. Во-первых, пусть и поздно, туркменские литераторы понимают, что им нужно вмонтироваться в происходящую организаторскую

деятельность. В этом отношении статья в «Литературной энциклопедии» могла послужить дополнительным стимулом сверху. Литераторы должны четко проговорить, что «литературные силы» не могут быть «распыленными». Однако им можно было бы задать следующий вопрос: кто из них может считаться по-настоящему пролетарским писателем, а не попутчиком? Показательно, что в том же 1929 г. среди рекомендованных к прочтению начинающим литераторам «пролетарских писателей» упоминаются, например, Борис Пильняк и Юрий Олеся [Литконсультация 1929: 91]. На первый взгляд складывается впечатление, что организаторы ВТЛО не вполне понимали, что значило для советской литературной критики слово *пролетарский*. Впрочем, вероятнее, на его значение сознательно закрывали глаза (людей, входивших тогда в литературные дискуссии, едва ли можно обвинить в недостатке образованности). На этом этапе «пролетарский писатель» для туркменских литераторов означает «включенный в советский литературный процесс», или, выражаясь языком социологии литературы, в советское литературное поле на правах признанного писателя. Организовать туркменскую ассоциацию — не значит собрать группу, стоящую на радикально пролетарских позициях; это значит продемонстрировать, что литераторы в Туркменистане существуют, понимают расстановку сил и имеют право голоса. Это последнее сыграет свою роль в высказываниях, прозвучавших на Первом съезде советских писателей. Однако судя по тому, что документ отложился в фонде «Кузницы» и в дальнейшем переписка ВТЛО велась именно с нею, связь между центром и периферией вряд ли была столь прочна и прозрачна. Судя по цитированным выше документам, туркменскую ситуацию в Москве представляли себе довольно слабо, а сами туркменские литераторы могли этим пользоваться. Здесь имеет смысл говорить в первую очередь не в целом о реструктуризации литератур советских республик вокруг центра (что, конечно, в итоге произошло), а о том, какие самостоятельные процессы происходили в локальном отношении, как менялась расстановка сил и какие нарративы модернизации они в итоге породили.

Помимо призыва «собраться», в № 1 «Туркменоведения» за 1929 г. появилась фотография «Первой инициативной группы Всетуркменского литературного объединения» со смешанным «туркменско-европейским» составом (туда входят, например, Берды Кербабаяев и упомянутый выше Комаров). Фотография стоит сразу после статьи также на ней присутствующего А. Облонского¹⁰ «Искусство в Туркмении (состояние, задачи и перспективы)», где говорится: «В настоящее время Туркмения имеет уже своих крупных писателей и поэтов (Кирбабаев [sic!], Бурунов, Аламышев, Кульмухамедов, Насырли)» [Облонский 1929: 129]. Здесь стоит подчеркнуть, что именно само ВТЛО высказывается о создании «нового пролетарского литературного центра» как о сотрудничестве «туркменских и русских писателей и поэтов» [Обращение 1929: 63]. В обращении, под-

¹⁰ Он был заведующим редакцией.

писанном организационным комитетом, можно встретить стандартные риторические формулы относительно модернизации туркменской культуры в пролетарском ключе. Литература описывается как часть большого процесса, однако в тексте воспроизводится формула «Туркменистан <...> еще не создал своей литературы» [Обращение 1929: 63]. По сути, речь идет о том, что республика еще не создала литературу а) пролетарскую и б) национальную в том виде, как ее понимали советские идеологи. Это не отменяет следующего факта: параллельно могли вестись дискуссии, что делать с дореволюционным наследием и кому оно принадлежит.

В литературном приложении происходит балансировка туркменских и славянских фамилий, в частности, в первом номере напечатаны стихотворения Караджа Бурунова, Абдулхекима Кульмухаммедова и Насырли, во втором — Насырли, Кербабаева и Бурунова¹¹. В третьем в переводе с туркменского опубликован только рассказ А. Бекджанова (под псевдонимом Игдир, вероятно, от названия туркменского племени) «Последний рейс», а стихотворений туркменских поэтов в переводе нет вовсе, только те, что написаны, как выражалась редакция, «европейским литмолодняком Туркмении» (см.: [Фролов 1929]). В № 4 в переводе напечатано только стихотворение Насырли, в № 5–6 — вновь стихотворение Насырли и отрывок из повести Кербабаева. К середине года в публикациях приложения уже появляются сдвиги, которые предвещают будущую эскалацию конфликта. Пока еще в порядке обсуждения аккуратно критикуются поэты Караджа Бурунов и Амандурды Аламышев (позже последний из-за критики будет вынужден фактически переписать свою поэму). В заметке «Лицом к сегодня!» первый определен в группу «мечтающих», а второй — в группу «добрых, жалеющих» (№ 4 литературного приложения, № 8–9 журнала¹²). Первые, как Караджа Бурунов, пишут любовную лирику вместо настоящей социальной поэзии, вторые делают из туркменской женщины просто жертву и лишь оплакивают тяжелую дореволюционную жизнь, не вникая в суть классовый борьбы. Показательно, что это обсуждение редакция мотивирует наступившим кризисом в туркменской национальной литературе (см.: [Курт 1929]). Собственно говоря, преодоление кризиса и состоит в том, чтобы повернуться «лицом к сегодня». С одной стороны, это указывает на связь с советской политической ситуацией в текущий период и с лозунгом об обострении классовый борьбы по мере продвижения к социализму. С другой стороны, достаточно показательно, как такого рода высказывания проникают в довольно узкую группу литераторов со своими интересами, которые, по сути, пока еще ругают сами себя. Характерно, что рядом с этой статьей было опубликовано стихотворение Насырли «Не Мекка — Москва» (пер. А. Степанова), где по-

¹¹ Во всех тетрадах приложения, кроме номеров 1 и 2, нет своей пагинации. В списке источников материалы из приложения поэтому описываются как материалы из «Туркменоведения». В этом случае номера журнала и приложения могут не совпадать.

¹² Похожая статья того же автора была напечатана месяцем раньше в журнале «Türkmen medenijeti» («Туркменская культура») на туркменском языке.

ворот «лицом к сегодня» происходит буквально: прежде туркмены были мусульманами и смотрели на Мекку, а теперь теми же глазами смотрят на Москву:

Ты — оплот революции.
О тебе наши песни льются.
В тебе жил столько лет
Лучший человек на земле.
Мавзолей того человека
Нам дороже и ближе,
Чем Мекка.

[Насырли 1929]

В 1930 г. сборник ВТЛО уже не издается, а литературные страницы «Туркменоведения» заполнены текстами участников писательской бригадной поездки «Известий ЦИК» (на иллюстрации в № 4–5 они сфотографированы среди членов ВТЛО). На ее фоне выходит статья Облонского «От “богатырских” сказаний к песням Октября», где на этот раз упоминается ВТОП (Всетуркменское объединение писателей) как «база для развертывания массового похода за пролетарскую литературу» [Облонский 1930 (12): 30]. В статье указана дата появления ВТОП — 1930 г., т. е. это новая структура по отношению к ВТЛО. Однако имена повторяются: в заметке упомянуты Кербабаев и Бурунов, а также ставшие впоследствии известными поэт Аман Кекилов и поэтесса и драматург Товшан Эсенова. Комплиментарно Облонский пишет о Кульмухаммедове.

В первой части статьи, опубликованной в № 11, Облонский фактически пытается кратко очертить историю туркменской литературы, как она ему представляется — «древней» и «старой» (характерно, что жившего в XVIII в. Махтумкули он называет не просто туркменским, а всетуркменским поэтом, подчеркивая установку на то, что у туркмен уже давно есть общий поэт и общая традиция) [Облонский 1930 (11)]. Вторая часть (№ 12), по-видимому, и должна указать ориентиры для модернизации. Статья, конечно, построена в рамках типичного для 1930 г. дискурса пролетарской литературы: обострение классовой борьбы, перевоспитание попутчиков, воспитание литературных кадров. Вместе с тем Облонский транслирует и ключевую часть нарратива именно о туркменской литературе с «пролетарской» точки зрения: «Отсутствие старых, испытанных пролетарских кадров в Туркмении <...> усугубляет сложность и трудность руководства художественной литературой» [Облонский 1930 (12): 30]. Возникает вопрос: если пролетарская литература имеет классовую природу, то к какому классу следует отнести тех поэтов, которых Облонский упоминает в своей статье? Кербабаев в его статье «родился <...> в семье дайхана», Бурунов — «в семье мелкого подрядчика», о происхождении Кульмухаммедова и вовсе не сказано. Строго говоря, для того, чтобы писать пролетарскую литературу, необязательно (хоть и очень желательно) иметь буквально пролетарское происхождение (особенно учитывая, что сам автор статьи подчеркивает полное отсутствие «старых кадров»). Однако все

трое, перечисленные в статье, в стандартной схеме вполне могли бы быть отнесены к «отряду попутчиков» (особенно учитывая, что все трое имели отношение к джадидским кругам). Тем не менее именно они выводятся на первый план, и тому может быть несколько причин. Облонский не зря воспроизводит дежурное для советской политики тех лет опасение по поводу «усиления активности правых элементов» [Облонский 1930 (12): 30]. Можно предположить, что, выводя на первый план круг журнала и ВТЛО (теперь — ВТОП), Облонский пытался застраховать своих коллег от обвинений в принадлежности к «правым элементам». С другой стороны, если вспомнить, что эти люди имели определенный литературный опыт или востоковедческое образование, то именно они могли претендовать на то, чтобы служить ориентиром. Приведем несколько комичный, но характерный анахронизм, ср.: «Новая туркменская литература прошла еще очень небольшой путь — только шесть лет...» и «За восемь лет литературной работы Б. Кербабаевым написано 7 поэм...» (разрядка наша) [Там же]. Конечно, здесь видна «обратная» логика советского нациестроительства. «Новая туркменская литература» появляется только тогда, когда появляется советский Туркменистан. Подобная ретроспективность не специфична для советской Центральной Азии, однако в центре она работала по более простому принципу. Идеологи советской литературы вольно или невольно искали предшественников в русской литературе времен империи, даже тогда, когда шли от противного. Туркменской литературе, с одной стороны, требовалось возникнуть с нуля, с другой — осмыслить «старую литературу» в условиях, когда началом «туркменской нации» объявлялся 1924 г.¹³ Дореволюционного пролетарского ориентира вроде хрестоматийного романа Максима Горького «Мать» у модернизаторов просто не было.

Облонский цитирует стихотворения Кербабаева («Друзьям мои!», пер. Георгия Веселкова и «Трактор в горах», пер. Николая Тихонова), Бурунова («Радуйся, сердце», пер. А. Степанова) и Кульмухаммедова («Гопыз невесты», пер. А. Степанова)¹⁴. Все трое печатались на страницах «Туркменоведения» и литературного приложения.

Приведем выдержки из стихотворения Кербабаева:

Друзья мои!
Любимые,
родные!

¹³ В 1928 г. (№ 7–8) на вопрос читателя: «Когда и при каких обстоятельствах произошло деление туркменской нации на разные племена и, в частности, кто родоначальник туркмен вообще[?]» редакция отвечала: «Туркменской нации, как единого целого, никогда не существовало» [Переписка 1928: 109].

¹⁴ Во всех случаях указано, что переложение делалось с подстрочника, составленного самим автором. Степанов также был членом ВТЛО, Тихонов — участником бригадной поездки писателей («Трактор в горах» в его переводе — единственный текст туркменского происхождения в альманахе «Туркменистан весной»; стихотворение было впервые опубликовано в журнале «Turkmen medenijeti», № 2 за 1930 г., под заглавием «Daаqlarda tьgaaktь»). О Веселкове будет сказано ниже.

Я вам пою
 о новых цветниках.
Разрушен
 старый мир,
 и розы огневые,
Как первенец эпохи,
 я держу
 в руках.
<...>
Взошла луна —
 теперь луна
 свободы, —
Ведь в мире
 нет
 Похожей на нее.
Один...
 одиннадцать —
 Идут за годом годы,
В борьбе
 оттачивая острие.
 [Облонский 1930 (12): 31] —

а также Бурунова:

О, сердце, радуйся!
Проснись!
Довольно снов!
Цветут сады,
Мечтал ты о которых,
Прошли невзгоды,
Тягостных годов.
Джейранов прыгает
Веселый караван —
Они уж выросли,
Родившись в мае.
Зеленым веером
Раскинулась трава —
Цветным халатом
Землю закрывает.
<...>
Цветут в садах
Пунцовых роз кусты,
Поет буль-буль —
Поет весну и славит.
<...>
О, сердце, радуйся!
Того, что было —
Нету!
От черных туч.
На небе ни следа.

Пришли туркмены
 К радости и свету,
 К свободе
 Вольного труда.
 [Облонский 1930: 31]

В первую очередь, конечно, читатель может заметить типичные для советской поэзии константы: разрушение старого мира, борьба за свободу, вольный труд, с формальной стороны — «лесенку» у Кербабаева. Вместе с тем показательно, как эти константы инкорпорируются в ряд характерных топосов, причем именно тех, что считываются как человеком, воспринявшим восточную традицию, так и читателем, на которого, очевидно, русский перевод был ориентирован. Пунцовые розы и соловей (чье туркменское название, как кажется, действительно не требует перевода, только транслитерации *буль-буль*) — не просто воспроизведение элементов традиции, эти элементы очень узнаваемы. Если в этом случае применить к тексту постколониальную рамку, можно увидеть, что здесь срабатывает двойная функция репрезентирования: восточная традиция, которая сама по себе мыслится как архаичная, будучи помещена в характерную для раннесоветской поэзии патетику, становится указанием на то, как именно можно описывать для читателя республику в сложившихся обстоятельствах. Эти характерные топосы одновременно обращены и к своему, и к внешнему дискурсу, но подразумевают конкретную реакцию: не столкновение с незнакомым, а поддержание констант.

С другой стороны, в отличие от более поздних стихотворений, которые будут печататься на страницах альманахов, где сочетаются переводы с туркменского на русский и произведения русскоязычных авторов о Туркменистане, в этих двух текстах есть и сдвиг в сторону характерного, но не обязательно узнаваемого. Во-первых, у Бурунова это пространная вставка о джейранах: подобные пейзажные зарисовки для советской поэзии того периода не особенно характерны, и в целом стихотворение только в третьей своей части доходит до утверждения, что сердце радуется именно наступившей свободе, а не приходу поры цветения. Во-вторых, у Кербабаева это ассоциация свободы с луной, а не с солнцем, которая читателю из другой традиции, как кажется, малопонятна¹⁵.

«Гопыз невесты» Кульмухаммедова в этом отношении и вовсе не обращается к константам советского исторического оптимизма:

Звучит гопыз, о чем — не зная, —
 Струна у сердца уныла.
 Плачет гопыз, гопыз играет
 О том, что прошло, что было.
 В сердце — не пусто, в сердце — мечты,
 К свободе мечты унеслись...

¹⁵ Здесь, по-видимому, срабатывает широкая полисемия корня *ау*, который может обозначать не только луну, но и, например, ясность и вообще свечение.

Женская радость — весна и цветы,
А слезы — стальной гопыз.
[Облонский 1930: 31]

Надо сказать, что Кульмухаммедов в краткой справке к этому стихотворению позиционируется в первую очередь как востоковед. Вероятно, так может быть мотивирована тематика стихотворения, из-за которого автор статьи «Лицом к сегодня!» вполне мог бы причислить Кульмухаммедова к «жалеющим», изображающим женщину только как жертву (девушка здесь выходит замуж явно не по своей воле). Это стихотворение выбивается из общего ряда еще и потому, что в переводе оно не адаптировано полностью под силлабо-тоническую систему, как это обычно бывало. С другой стороны, в 1930 г. стих, выглядящий в переводе как близкий к акцентному, едва ли мог вызвать удивление.

Литературная атмосфера в журнале меняется в 1931 г.¹⁶, когда меняется и круг авторов. Активно начинается печататься Ораз Тачназаров, который в 1934 г. будет выступать от Туркменистана на Первом съезде советских писателей и примерно в тех же выражениях, что использовались в статьях «Туркменоведения», говорить о движении к соцреализму. В «Туркменоведении» Тачназаров выступает одновременно как критик и как писатель. В № 7–9 и 10–12 выходят главы его поэмы «Батрак», и сам этот выбор подчеркивает, что Тачназаров — человек из народа и сформировавшийся пролетарский писатель. Георгий Веселков — постоянный переводчик Тачназарова и журналист, чьими преамбулами сопровождаются главы из поэмы, — наконец формулирует главную задачу, с которой Тачназаров справился: «Поэт — борец, поэт — политик (в оригинале выделено полужирным. — А. Б.) — таким и должен быть поэт пролетариата, поэт социалистической республики» [Веселков 1931: 79]. Эта задача, как видно, сформулирована ретроспективно: чтобы произнести такую фразу, нужен был уже сам факт существования поэмы «Батрак». Кроме того, здесь видна уже содержательная ориентация на центр, точнее, на так называемые напостовские установки (имеется в виду критика, выходившая на страницах журнала «На (литературном) посту») относительно того, что должно быть главным в литературе, — политика. Сам же Тачназаров заговаривает о «лице врага» в туркменской литературе в одноименной статье (№ 5–6, речь идет в том числе о Кульмухаммедове) [Таш-Назаров 1931]. Именно в этот период отдельные туркменские литераторы напрямую сталкиваются с обвинениями в «либерально-националистических тенденциях», «буржуазном национализме» и «пантюркизме». Критика на страницах «нового» «Туркменоведения», однако, распределяется неравномерно. В № 7–9 выходит программная статья «В классовых боях за туркменскую культуру — национальную по форме, социалистическую по содержанию», подписанная бригадой ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)Т. Здесь, наконец, по типичной модели

¹⁶ Р. Г. Мурадов указывает на значимые сдвиги на протяжении 1930 г., см.: [Мурадов 2002].

выделяются три группы писателей: интеллигенты-«националисты» (среди них Кульмухамедов), «молодежь <...> практически участвующая в социалистическом строительстве» (среди них Тачназаров) и «группа поэтов», занимающая «промежуточное положение», которая «раскалывается, приближаясь, с одной стороны, к первой группе явных врагов соцстроительства, с другой — к его активным участникам» (среди них Кербабаев и Бурунов) [Бригада 1931: 14]. Эти последние и получают в упомянутой выше статье Тачназарова ярлык попутчиков [Таш-Назаров 1931: 52].

Вероятно, при желании в творчестве любого туркменского литератора, входившего в ВТЛО, можно было бы найти черты «буржуазного национализма». Показательно, насколько неравномерно распределяются обвинения. Из упомянутых выше литераторов больше всех пострадал Кульмухамедов (вполне вероятно, что эти обвинения и стали причиной его смерти). Едва ли возможно восстановить здесь причины, почему именно его судьба сложилась так трагично. Представляется, что Тачназаров мог воспринимать такого рода статьи как способ литературной конкуренции. Здесь значим не столько сам факт указанных обвинений — они закономерны — сколько то, что именно в Туркменистане к ним добавляются обвинения в элитизме. ВТЛО, а затем ВТОП как будто бы не просто совершали ошибки, они не пускали в литературу молодых писателей. Во всяком случае, именно к такому выводу позволяют прийти рассуждения авторов статьи «В классовых боях...»:

Сам Куль-Мухамедов до последнего времени занимал руководящее положение именно в литературных и культурно-научных организациях (Туркменкульт — кабинет литературоведения, Всетуркменское объединение писателей). Точно так же в привилегированном в этом отношении положении находились Бурунов и Кербабаев (в редакциях нацизданий, в том же объединении писателей).

Наоборот — литературный молодняк с трудом пробивал себе дорогу на страницы журналов и газет, еще труднее — в издательствах [Бригада 1931: 15].

Отметим, что Кербабаев и Бурунов в итоге не исчезли из туркменской литературы и оба пережили репрессированного Тачназарова. Как уже было сказано, полностью реконструировать причины этих событий едва ли возможно. Однако в целом стандартная критика в их адрес (и тем более в адрес Кульмухамедова) заставляет поставить вопрос: можно ли считать подобного рода выступления в республиках действиями с уверенной позиции силы, как мы часто интерпретируем разгромные статьи, например, в «Литературной газете»?

В 1932 г. журнал окончательно меняет курс, получает название «За социалистическую Туркмению», и речь в нем среди прочего идет о том, чтобы наконец организовать настоящую ассоциацию пролетарских писателей (что не единожды заявлялось ранее). Постановление от 23 апреля

1932 г. оставляет только один вариант для официального существования новой туркменской литературы: Оргкомитет ССП Туркменистана.

В докладе председателя «Средазбюро оргбюро писателей СССР»¹⁷ М. Алексеева от 4 апреля 1934 г., предоставленном в оргкомитет Союза советских писателей, констатируется:

До перестройки в Ср[едней] Азии совсем не имелось советского литдвижения — в Туркмении и Кара-Калпакии.

<...>

...до исторического постановления ЦК ВКП(б) ни одно из произведений молодых советских писателей туркменским Госиздатом не издавалось. В течение последних двадцати месяцев количество издаваемых произведений ПРЕВЫСИЛО КОЛИЧЕСТВО БУРЖУАЗНЫХ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПИСАТЕЛЕЙ ТУРКМЕНИИ, ИЗДАВАВШИХСЯ НА ПРОТЯЖЕНИИ СЕМИ ЛЕТ [Алексеев 1934. Л. 2–3].

Так был подведен итог «форсированной модернизации» туркменского литературного процесса. Вместе с тем не все писатели, издававшиеся на протяжении семи лет, исчезли из литературного поля Туркменистана. Судьба Берды Кербабая, объявленного было попутчиком, сложилась в итоге благополучно, и он стал лауреатом Сталинской премии в области прозы. Его стихотворения продолжали издаваться и, вероятно, становились образцами для туркменских поэтов.

* * *

Так или иначе, нарративы модернизации в Туркменистане в описанный период формировались самими представителями литературного сообщества. Публикации в журнале «Туркменоведение» демонстрируют, что стратегии этого сообщества были подчас очевидными и зависели от характера литературной конкуренции. Вместе с тем удаленность от центра порождала большую гибкость тех моделей, которыми они пользовались. Короткий период существования журнала едва ли породил «советский нацмодернизм» в Туркменистане. Однако, что не менее важно, журнал предложил модель описания прошлого и создания настоящего. Последующая переориентация журнала и туркменского литературного сообщества была связана как с политическими факторами, так и с тем, что у идеологов туркменской литературы остался набор текстов, на который можно было ориентироваться. Сама модель этого литературного сообщества отчасти отражала происходящее в центре. Но характер взаимосвязей, которые она формировала, был принципиально отличен, не в последнюю очередь потому, что в центре представление об этой модели было слишком фрагментированным. Эта ситуация допускала и путаницу в вопросах, кто именно может стать настоящим новым писателем, как писать и как осмыслять литературу прошлого.

¹⁷ Вероятно, должно быть: «Средазбюро Оргкомитета Союза писателей СССР».

Источники

О п у б л и к о в а н н ы е

- Алексеев 1934 — Алексеев (председатель средазбюро оргбюро писателей СССР). Доклад о состоянии литературной организации Средней Азии // ОР ИМЛИ РАН. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 655.
- Бригада 1931 — *Таш-Назаров О., Хусаинов, Бориев, Назаров, Усталый, Веселков.* В классовых боях за туркменскую культуру — национальную по форме, социалистическую по содержанию // Туркменоведение. 1931. № 7–9. С. 11–16.
- Веселков 1931 — *Веселков Г.* Красноармеец первого призыва пролетарской туркменской художественной литературы // Туркменоведение. 1931. № 7–9. С. 76–79.
- Курт 1929 — *Курт И.* Лицом к сегодня! // Туркменоведение. 1929. № 8–9. С. 81–82.
- Насырли 1929 — *Насырли И.* Не Мекка — Москва // Туркменоведение. 1929. № 8–9. С. 83.
- Литконсультация 1929 — Литературная консультация ВТЛО // Туркменоведение. 1929. № 8–9. С. 91–92.
- ЛЭ 1929 — Литературная энциклопедия. Т. 2 / Ред. кол.: И. М. Беспалов и др.; Отв. ред. В. М. Фриче. М.: Изд-во Ком. Акад., 1929.
- К. Т. 1929 — *К. Т.* Собрание литературных сил Туркменистана // Туркменоведение. 1929. № 1. С. 134.
- Карпыч 1927 — *Карпыч В. Ф.* Схема зарождения нового // Туркменоведение. 1927. № 1. С. 37–38.
- Куль-Мухамедов 1931 — *Куль-Мухамедов А.* Материалы по средне-азиатским литературным памятникам. Ашхабад: Туркм. гос. изд-во, 1931.
- Облонский 1929 — *Облонский А.* Искусство в Туркмении (состояние, задачи и перспективы) // Туркменоведение. 1929. № 1. С. 115–129.
- Облонский 1930 — *Облонский А.* От «богатырских» сказаний к песням Октября // Туркменоведение. 1930. № 11. С. 10–12; № 12. С. 30–32.
- Обращение 1929 — Обращение ко всем писателям и поэтам Туркмении // Туркменоведение. 1929. № 2. С. 63–64.
- Переписка 1928 — Переписка с читателем // Туркменоведение. 1928. № 7–8. С. 109–110.
- Таш-Назаров 1931 — *Таш-Назаров О.* Лицо врага // Туркменоведение. 1931. № 7–9. С. 82–85.
- Фролов 1929 — *Фролов И.* Критические заметки о творчестве европейского литмолодняка Туркмении // Туркменоведение. 1931. № 6–7. С. 85–87.

А р х и в н ы е

- Заседание 1928 — Заседание коммунистической фракции Первого всесоюзного съезда пролетарских писателей // ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 292.
- Заседание 1931 — Заседание секретариата ВОАПП // ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 268.
- Переписка 1929 — Переписка Нацсектора Всесоюзного Общества пролетарских писателей «Кузница» по организационным и издательским вопросам // РГАЛИ. Ф. 1638. Оп. 1. Ед. хр. 93.
- Переписка 1933–1934 — Переписка с Оргкомитетом [ССП] Туркменской ССР // ОР ИМЛИ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 1060.

Сокращения

ОР ИМЛИ РАН — Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

Литература

Абашин 2015 — *Абашин С. Н.* Советский кышлак: Между колониализмом и модернизацией. М.: Нов. лит. обозрение, 2015.

Бабак, Дмитриев 2021 — *Бабак Г., Дмитриев А.* Атлантида советского нацмодернизма: формальный метод в Украине (1920-е — начало 1930-х). М.: Нов. лит. обозрение, 2021.

Дивангулыев 1995 — *Дивангулыев Ш.* Туркмен эдебияты «Туркменоведение» журналынын сахыпаларында [Туркменская литература на страницах журнала «Туркменоведение»]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т литературы им. Магтымгулы АН Туркменистана, 1995. (На туркм. яз.).

Ихсанов 2023 — *Ихсанов А.* Благочестие, преданность и служение: Молла-Ходжалы Мурат-Берды-оглы и роль его историй о поэтах XVIII в. в процессе формирования туркменской культурной идентичности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Т. 41. № 3–4. 2023. С. 55–86. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2023-41-3-4-55-86>.

Мартин 2011 — *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / [Пер. с англ. О. В. Щёлоковой]. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011.

Мурадов 2002 — *Мурадов Р. Г.* Парадигма «Туркменоведения» // Культурные ценности: Международный ежегодник: 2000–2001 / Отв. ред. Р. Г. Мурадов. СПб.: Европ. дом, 2002. С. 164–178.

Скаков 2020 — *Скаков Н.* Культура Полтора / Пер. с англ. Н. Ставрогиной // Новое литературное обозрение. 2020. № 1 (161). С. 104–123

Халид 2024 — *Халид А.* Центральная Азия: От века империй до наших дней / Пер. с англ. [А. Поповой]. М.: Альпина нон-фикшн, 2024.

Хирш 2022 — *Хирш Ф.* Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза / Пер. с англ. Р. Ибатулин. М.: Нов. лит. обозрение, 2022.

Dobrenko 2022 — *Dobrenko E.* Hegemony of brotherhood: The birth of Soviet multinational literature, 1922–1932 // *Slavic Review*. Vol. 81. No. 4. 2022. P. 869–890. <https://doi.org/10.1017/slr.2023.4>.

Edgar 2004 — *Edgar A. L.* Tribal nation: The making of Soviet Turkmenistan. Princeton: Princeton Univ. Press, 2004.

Kalinin 2022 — *Kalinin I. A.* USSR: The union of national form and socialist content (culture, nation, class) // *Russian Studies in Philosophy*. Vol. 60. No. 5. 2022. P. 382–394. <https://doi.org/10.1080/10611967.2022.2144676>.

References

Abashin, S. N. (2015). *Sovetskii kishlak: Mezhdú kolonializmom i modernizatsiei* [The Soviet kishlak between colonization and modernization]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).

Babak, G., & Dmitriev, A. (2021). *Atlantida sovetskogo natsmodernizma: formal'nyi metod v Ukraine (1920-e — nachalo 1930-kh)* [The Atlantis of Soviet natsmodernism: the formal method in Ukraine (1920s—early 1930s)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).

- Divangulyev, Sh. (1995). Turkmen edebiiaty “Turkmenovedenie” zhurnalynyň sakhypalarynda [Turkmen literature on the pages of journal *Turkmen Studies*] (Cand. Sci. (Philology) Diss. Abstract, Institute for Literature named after Magtymguly of the Academy of Sciences of Turkmenistan). (In Turkmen).
- Dobrenko, E. (2022). Hegemony of brotherhood: The birth of Soviet multinational literature, 1922–1932. *Slavic Review*, 81(4), 869–890. <https://doi.org/10.1017/slr.2023.4>.
- Edgar, A. L. (2004). *Tribal nation: The making of Soviet Turkmenistan*. Princeton Univ. Press.
- Hirsch, F. (2005). *Empire of nations: Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union*. Cornell Univ. Press.
- Ikhsanov, A. (2023). Piety, commitment and duty: Molla-Hojaly Myrat-Berdi-ogly and the impact of his stories about the poets of the 18th century on the formation of Turkmen cultural identity. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 41(3–4), 55–86. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2023-41-3-4-55-86>. (In Russian).
- Kalinin, I. A. (2022). USSR: The union of national form and socialist content (culture, nation, class). *Russian Studies in Philosophy*, 60(5), 382–394. <https://doi.org/10.1080/10611967.2022.2144676>.
- Khalid, A. (2021). *Central Asia: A new history from the imperial conquests to the present*. Princeton Univ. Press.
- Martin, T. (2001). *The affirmative action empire: Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Cornell Univ. Press.
- Muradov, R. G. (2002). The paradigm of “Turkmenovedenie”. In R. G. Muradov (Ed.). *Kul’turnye tsennosti: Mezhdunarodnyi ezhegodnik: 2000–2001* (pp. 164–178). Evropeiskii dom. (In Russian).
- Skakov, N. (2020). Culture One and a Half. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2020(1, no. 161), 104–123. (In Russian).

Информация об авторе

Алла Олеговна Бурцева

кандидат филологических наук
научный сотрудник, отдел рукописей,
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская,
д. 25а
✉ alla.burtseva@gmail.com

Information about the author

Alla Olegovna Burtseva

Cand. Sci. (Philology)
Research Fellow, Manuscript
Department, A. M. Gorky Institute
of World Literature of the Russian
Academy of Sciences
Russia, 121069, Moscow, Povarskaya Str,
25a
✉ alla.burtseva@gmail.com